

УДК 327

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ГЛОБАЛЬНОЙ БРИТАНИИ» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ Б. ДЖОНСОНА

© 2022 ГРИГОРЬЕВА Оксана Владимировна*

Кандидат политических наук

*Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.*

**E-mail: oxana.grigorjeva@gmail.com*

© 2022 ПЛЮСНИН Никита Олегович*

*Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.*

**E-mail: n.plyusnin@spbu.ru*

Поступила в редакцию 07.07.2021 г.

После доработки 02.09.2021 г.

Принята к публикации 21.12.2021 г.

Аннотация. В статье рассмотрены инструменты, при помощи которых правительство Б. Джонсона сконструировало образ «Глобальной Британии» в Комплексном обзоре политики в области безопасности, обороны, развития и внешней политики, обнародованном в марте 2021 г. Опираясь на концепцию ролевой модели анализа внешнеполитических решений Дж. Розенау и С. Уолкера и теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф, авторы статьи выделяют безопасность как центральный элемент дискурса. Сделан вывод, что, согласно новой стратегии, Соединенное Королевство не только готово обороняться в контексте вызовов и угроз, но и активно менять его в соответствии со своими интересами и ценностями. Определяющими для идентичности Британии являются безопасность, стрессоустойчивость и сниженная восприимчивость к потрясениям. Кроме того, необходимо отметить высокую адаптивность новой стратегии Б. Джонсона, ориентированной на посткризисный этап, что не исключает критики ее значимости для текущего момента.

Ключевые слова: ролевая модель, теория дискурса, «Глобальная Британия», безопасность, внешняя политика, Соединенное Королевство, Борис Джонсон, COVID-19, наступательный активизм.

DOI: 10.31857/S0201708322020048

Премьер-министр Соединенного Королевства Борис Джонсон 16 марта 2021 г. представил амбициозную концепцию национальной безопасности («Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики»). Документ по-новому трактует существенные характеристики британской внешней политики и в значительной степени отличается от предшествующей стратегии «Обзор стратегии национальной безопасности и стратегической обороны и безопасности», принятой в 2015 г. правительством Д. Кэмерона. Пройдя через турбулентные времена, включая длительный период переговоров по выходу из Европейского союза и о статусе новых взаимоотношений с Брюсселем, а также через пандемию COVID-19, по замыслу правительства, Британия выйдет более сильной, глобальной, безопасной и обновленной.

Многие исследователи отметили грандиозность и имперский размах внешнеполитического проекта правительства Б. Джонсона. Дж. Шапиро и Н. Уитни в своей статье в *Foreign Affairs* исследуют «призрачные мечты» (*delusions*) «Глобальной Британии» [Shapiro, Witney, 2021], утверждая, что Лондону всё равно придется смириться со статусом средней державы. Н. Уинн, член аналитической группы «Британия в меняющейся Европе» [Winn, 2021], пессимистически замечает, что у Британии как у средней державы нет ни экономических, ни военно-политических ресурсов на реализацию изложенных в концепции планов. А. Касонта [Kasonta, 2021] называет новую стратегию попыткой в «неовикторианском стиле» определить место страны в меняющемся мире. Е.В. Ананьева и К.А. Годованюк считают, что посредством новой стратегии Лондон стремится представить себя проактивным игроком и «стратегическим хабом» безопасности европейских стран НАТО, успешно противостоящих России как наиболее острой (*the most acute*) угрозе Западу [Ананьева, Годованюк, 2021: 5–6].

При этом неясно, каким образом мифические и иллюзорные, с точки зрения многих наблюдателей, положения о «Глобальной Британии» становятся «истиной в последней инстанции» и «неоспоримым фактом» для разработчиков нового дискурса. Таким образом, важно не только что это за новый образ, но и как он будет реализовываться. Это ключевой вопрос для понимания сущности масштабного проекта по пересмотру внешней политики Соединенного Королевства.

Дискурс-анализ проведен по следующим параметрам: (1) постановка исследовательской проблемы; (2) определение корпуса анализируемых текстов; (3) систематическое представление результатов проведенного дискурс-анализа. С помощью дискурс-анализа новой стратегии и определения наступательного активизма как узлового элемента будут выявлены инструменты конструирования образа «Глобальной Британии» во внешнеполитической концепции Б. Джонсона.

Теоретической основой исследования послужила концепция ролевой модели анализа внешней политики Дж. Розенау [Rosenau, 1987] и С. Уолкера [Walker, 2013], которая помогает выявить множественные роли «Я» Великобритании, представляющей себя как новую глобальную державу, способную активно менять существующий миропорядок. Формирование и исполнение роли воспринимается как непрекращающийся процесс подстраивания под существующие усло-

вия, определяемые «Я», «Другим» как агентами и структурой международной системы.

Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф [Laclau, Mouffe, 1985] дополняет концепцию ролевой модели анализа внешней политики, позволяя выявить узловой момент, вокруг которого формируются символы и выстраивается дискурс о престиже и величии «Глобальной Британии». Кроме того, М.В. Йоргенсен и Л.Дж. Филлипс настаивают на том, что теория дискурса «теоретически сильна, когда дело доходит до анализа формирования групп и коллективной идентичности» [Jørgensen, Phillips, 2002: 146]. Совместное использование двух теорий позволяет наиболее полно проанализировать способы построения ролей и представления их в качестве единственно возможных и правильных, с точки зрения правительства Б. Джонсона.

Дискурс наступательного активизма в стратегии «Глобальной Британии»

Мы именуем новый внешнеполитический дискурс Соединённого Королевства как дискурс наступательного активизма (*offensive activism*). Данное определение отражает основные черты стратегии «Глобальной Британии». Британия занимает наступательную, а не оборонительную позицию по отношению к вызовам и угрозам, определяющим современный мир (готова открыто бороться с ними в одиночку или в союзе с другими акторами), а также следует активистской философии мировой политики [Holm, 2002].

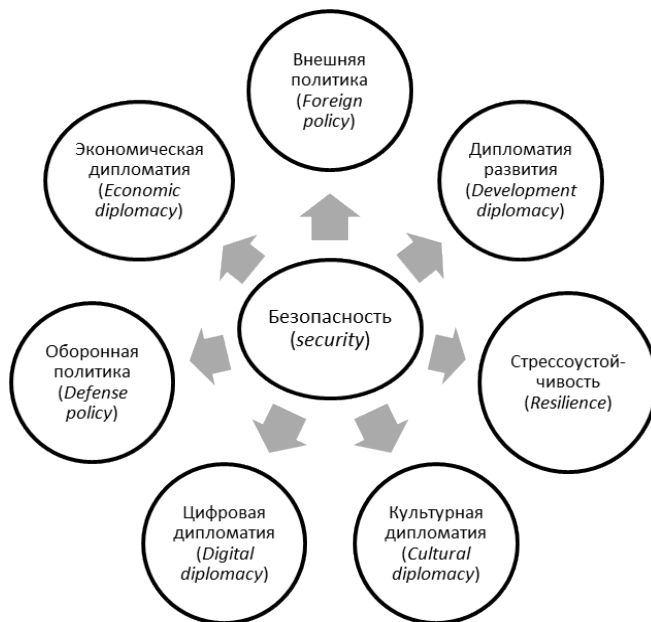
Узловым моментом дискурса наступательного активизма является «безопасность», привилегированный символ, вокруг которого приобретают своё значение прочие символы. Если условно поместить «безопасность» в центр дискурса (как его ядро), то прочие символы будут располагаться по орбите вокруг центра, испытывая на себе постоянное влияние узлового момента, так как их определение напрямую будет зависеть от того, что находится в ядре дискурса.

Нахождение как центра, так и наиболее важных символов, окружающих центр, позволяет выявить основную суть дискурса, а также сделать выводы о его составляющих частях и инструментах конструирования образов. Основные элементы дискурса представлены на Рисунке 1.

Именно безопасность определяет то, как Великобритания будет формировать свою политику во всех сферах: экономической, гуманитарной, цифровой, военной и других. С безопасностью взаимосвязан символ «стрессоустойчивость» (*resilience*). В рамках стратегии нет определения данного термина, однако его употребление свидетельствует о схожести британского и европейского взглядов на стрессоустойчивость: 1) акцент сделан на угрозах, а не на ресурсах; 2) стрессоустойчивость воспринимается как особая характеристика демократических систем [Романова et al., 2019: 16–24].

Рисунок 1

Артикуляция символов в рамках дискурса наступательного активизма

Анализируя идентичность Британии и её роль в мировой политике в рамках дискурса наступательного активизма, необходимо отметить, что безопасность будет оставаться ключевым фактором, влияющим на конструирование среды, «Я», «Другого», а также на размещение роли в социальном контексте, отражающих основные этапы зарождения и реализации на практике концепции «Глобальной Британии». Каждый из этапов будет подробно проанализирован, что позволит сделать как специфические для каждой стадии, так и общие выводы об анализируемой стратегии.

Конструирование среды: мир, полный вызовов и угроз

Постковидный мир, в котором всем государствам, включая Британию, предстоит взаимодействовать, определен, как потенциально опасный и таящий в себе угрозы, которые либо известны, либо еще не известны правительствам по всему миру. Угрозы повсеместны и тотальны, их присутствие отмечается как на мировой арене, так и внутри Соединенного Королевства¹. Указано также, что опасности могут принимать

¹ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 100.

различные формы¹. Выделяется их взаимное усиление за счёт друг друга, что создает еще более сложную картину². Стремясь, однако, систематизировать и упростить сложную картину мира, интегрированный обзор использует логику эквивалентности и группирует угрозы в четыре большие группы: геополитические и геоэкономические сдвиги, системная конкуренция, резкие технологические изменения, транснациональные вызовы³. Напряжённость и конфликтогенность становятся центральными характеристиками среды, в которой Соединенному Королевству придется действовать.

Пандемия, как следует из Обзора, стала водоразделом в истории современных международных отношений. Речь идёт о «постковидном мировом порядке», который может стать ещё более разобщенным, непрогнозируемым и неустойчивым, чем современный⁴. Важно отметить при этом, что коронакризис не только задал новые вызовы, но и обострил существовавшие ранее противоречия и проблемы.

Евросоюз, ранее значимое направление внешней политики Британии⁵, теперь находится на периферии. Брекзит считается началом новой страницы в истории Британии, уникальной возможностью пересмотреть приоритеты и задачи Соединенного Королевства⁶. ЕС стал одним из многих «Других», с которыми Британии предстоит взаимодействовать в новом мире.

Наконец характерной чертой нового опасного мира является его непрогнозируемость⁷. Прогнозируемость и транспарентность британской демократии противопоставляются неконтролируемым рискам и угрозам, исходящим от международной среды. В таком опасном мире только наступательная политика Британии видится как самый адекватный ответ на сложившуюся ситуацию. Это, однако, предполагает, создание «новой» Британии, о конструировании которой речь пойдет далее.

Конструирование «Я»: «Глобальная Британия» как ностальгия по великодержавности

В выстраивании собственного «Я» Соединенное Королевство следует известному принципу «всё новое – это хорошо забытое старое» [Годованюк, 2020]. В новой стратегии глобальность и существование на стыке различных регионов определено как краеугольный элемент британской идентичности: «Соединенное Королевство – европейская страна с глобальными интересами, открытая экономика и мор-

¹ Ibid, p. 3.

² Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 31.

³ Ibid, p. 25.

⁴ Ibid, p. 25.

⁵ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015: A Secure and Prosperous United Kingdom.

⁶ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 11.

⁷ Ibid, p. 88.

ская торговая держава с крупной диаспорой»¹. Обзор сильных сторон современной Британии изобилует такими терминами как сверхдержава, глобальный лидер и мировой лидер². Хотя в Обзоре средние державы признаны важными игроками современной международной системы, Британия претендует на роли сверхдержавы и лидера, которые в одних сферах признаются достигнутыми (как в сфере «мягкой» силы³), а в других в качестве целевых к 2030 г. (в сфере науки и технологий⁴). В предыдущей стратегии Британия хотя и признавалась сильной, влиятельной и глобальной державой⁵, но тем не менее лидерство во многих сферах виделось целью, а не свершившимся фактом.

Интересы британского народа определены широко: суверенитет, безопасность, процветание⁶. Обозначены также общие ценности Британии, которые вместе являются «клеем, соединяющим составные части Соединенного Королевства»: приверженность универсальным правам человека, верховенству закона, свободе слова, справедливости и равенству⁷. Британия в данном случае выступает как единое монолитное образование, объединяющая различные народы, культуры, территории и пространства.

Соединенное Королевство определено как «нация с глобальной перспективой, решающая проблемы и разделяющая общее бремя»⁸. В стратегии признано, что «сотрудничество с союзниками и имеющими схожие взгляды партнёрами станет основополагающим фактором» сохранения мира⁹. США остаются основным стратегическим союзником и партнером Лондона, с которым их объединяют не только общие цели и задачи, но и общие ценности: вера в демократию, верховенство права и основополагающие свободы человека¹⁰. Сотрудничество должно проходить как на двустороннем уровне, так и в рамках международных организаций и объединений, важнейшим из которых является НАТО. Североатлантический Альянс провозглашен основой евроатлантической и британской безопасности. Британия, в свою очередь, представляет себя важнейшим европейским партнером США по НАТО, крупнейшим европейским инвестором в систему коллективной безопасности, а также одним из двух лидеров объединения¹¹. Важно отметить, что сотрудничество с союзниками и партнерами в рамках НАТО, других организаций и на двухсторон-

¹ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 7.

² Ibid, pp. 8–9.

³ Ibid, pp. 49–50.

⁴ Ibid, p. 4.

⁵ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015: A Secure and Prosperous United Kingdom, p. 13.

⁶ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 11.

⁷ Ibid, p. 13.

⁸ Ibid, p. 6.

⁹ Ibid, p. 69.

¹⁰ Ibid, p. 60.

¹¹ Ibid, pp. 71–72.

нем уровне призвано также сдерживать противников (adversaries), которые воплощают в себе одно из проявлений «Другого», конструирование идентичности которого также составляет важную часть стратегии.

Конструирование «Другого»: многоликий и опасный

Характерная черта «Другого» в стратегии – это его временная и пространственная многоликость. Обобщенный «Другой» представляет собой любой источник угроз для Британии, им может быть как государство, так и любой феномен. Пространственное измерение в данном случае выходит на первый план: мотив размытости или отсутствия границ является ключевым для конструирования образа «Другого» и для усиления ощущения тотальности и неизбежности вызовов и угроз. С одной стороны, речь идет о размытии границы между угрозами внутри страны и ее пределами¹. С другой стороны, признание одинаковой степени значимости цифрового и физического мира создает возможность говорить о новых измерениях угроз². Таким образом, «Другой» может одновременно существовать в различных измерениях и пространствах, что позволяет настаивать на центральном положении символа «безопасность».

Тем не менее персонализация «Другого» также присутствует в рамках конструирования его идентичности. Отмечается, что «Россия останется наиболее злободневной прямой угрозой Соединенному Королевству»³. Важно отметить, однако, что идентичность РФ как самого опасного «Другого» не монолитна. Сделана оговорка: «Соединенное Королевство уважает народ, культуру и историю России. Однако пока отношения с её правительством не улучшатся, мы будем активно противостоять ей и обороняться против всего спектра угроз, исходящих от России»⁴. Кроме того, временность российской угрозы выражена через определение «наиболее злободневной», что говорит, во-первых, о возможности пересмотра отношений в будущем, если Россия начнет играть по правилам, устанавливаемым Западом во главе с «Глобальной Британией»⁵, а во-вторых, о том, что РФ рассматривается одной из многих угроз. Многоликость «Другого» в данном случае одерживает вверх.

Данный подход кардинально отличается от применяемого ранее. В стратегии 2015 г. Россия признавалась одним из главных источников угроз и нестабильности в мире. Однако отмечалось, что «незвирая на наши различия, мы будем искать пути налаживания взаимодействия и сотрудничества с РФ по вопросам глобальной

¹ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 69.

² Ibid, p. 6.

³ Ibid, p. 19.

⁴ Ibid, p. 61.

⁵ Ibid.

безопасности»¹. Можно увидеть, что в 2015 г. осознавалась необходимость диалога с Россией как важным участником международных отношений; в стратегии 2021 г. договороспособность России отрицается в принципе.

Идентичность Китайской Народной Республики как «Другого» для британской внешней политики так же неоднозначна, как и идентичность России. С одной стороны, «военная модернизация Китая и его растущая международная вовлеченность в Индо-Тихоокеанском регионе и за его пределами определяет возрастающие риски для британских интересов»². Вместе с тем фактор Китая признан в качестве объективного лидера в постковидном мире, поэтому Британия должна адаптироваться, активно инвестируя в КНР и сотрудничая с Пекином по важнейшим вопросам международных отношений³.

Сконструированные среда, «Я» и «Другой» развиваются в концепции параллельно и находятся в постоянном взаимодействии.

Размещение роли в социальном контексте: «Глобальная Британия» в постковидном мире

Амбициозность стратегии Б. Джонсона состоит не только в смелых заявлениях о новых идентичностях «Я» и «Другого» и среде мировой политики, но и в предложении конкретных действий, которые, по мнению правительства, позволят «Глобальной Британии» стать новой реальностью. Содержание этих действий соответствует определению дискурса наступательного активизма. Содержание новой политики описывается как уход от поддержания статуса-кво к активному участию в создании постковидного мирового порядка⁴. Как отмечает Ал.А. Громыко, коронавирус во многом обострил гонку за первенство и информационное противостояние в поистине глобализованном мире, проделавшем большой путь с окончания холодной войны [Громыко, 2020]. Британия, согласно стратегии, готова активно включиться в эту гонку и рассчитывает выйти из этой гонки победителем. Британия представляет себя как сила добра, одной из основных защитниц универсальных ценностей, что позволяет Лондону всё чаще прибегать к многосторонней дипломатии, направленной на позитивное развитие мира⁵.

Пандемия показала, как важно принимать во внимание мнение академического сообщества и достижения научно-технического прогресса, поэтому в новом постковидном мире Британия будет защищать и продвигать как британские, так и зарубеж-

¹ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015: A Secure and Prosperous United Kingdom, p. 18.

² Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 29.

³ Ibid, p. 22.

⁴ Ibid, p. 21.

⁵ Ibid, p. 14.

ные эпистемные сообщества¹. Кроме того, Британия будет активно поддерживать демократический транзит в “нелиберальных” “закрытых” странах, выступая общим фронтом с другими “демократическими” “открытыми” обществами². Поддержание национальной и глобальной стрессоустойчивости через активную политику в сфере защиты биоразнообразия, борьбы с климатическими изменениями и развития здравоохранения также провозглашено базовой задачей государства. Британия будет стремиться отстаивать данные положения в коммуникации с другими государствами³. Наконец в стратегии отмечено, что на фоне растущего количества вызовов и угроз только доказавшие свою эффективность инструменты сдерживания наиболее действенны в текущей обстановке. Таким образом, финансирование и модернизация ядерного потенциала – важная задача «Глобальной Британии», которая стремится подтвердить свой высокий статус гаранта международной безопасности⁴.

В стратегии также приводится подробный обзор ресурсов, которыми обладает «Глобальная Британия» и на которые она может опираться в построении нового мирового порядка. Отмечены как материальные ресурсы (военная и финансовая мощь, эффективная нормативно-правовая база, развитый научно-технический сектор, обширные международные связи и др.), так и нематериальные (социальный капитал населения, «мягкая» сила, открытость и транспарентность британской демократии, верность общечеловеческим ценностям, многовековая история и пр.). Таким образом, сконструирован образ державы, которая не только в прошлом, но и в настоящем и будущем способна активно влиять на международные отношения⁵.

Тем не менее столь высокая оценка возможностей Соединенного Королевства не означает, что ему не нужно меняться. Напротив, в более сложной и опасной среде мировой политики с многоликим и более опасным «Другим» как никогда важно проявлять гибкость, приобретать новые навыки и быстро реагировать на появляющиеся вызовы и угрозы. Риски необходимо предвидеть, предотвращать, готовиться к ним, отвечать на них и восстанавливаться после них⁶.

Британское правительство стремится закрепить за символами и идентичностями определённые смыслы и установить их как единственно верные для «Я» и «Другого». Мир опасен как никогда, но и Британия сильна как никогда, поэтому любая угроза может и должна быть побеждена⁷. Так можно кратко охарактеризовать пафос стратегии «Глобальной Британии».

¹ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, pp. 35–40.

² Ibid, pp. 44–69.

³ Ibid, pp. 87–96.

⁴ Ibid, pp. 76–79.

⁵ Ibid, pp. 6–9.

⁶ Ibid, p. 19.

⁷ Ibid, p. 60.

Заключение

Новая стратегия «Глобальной Британии» стала амбициозным заявлением правительства Б. Джонсона в условиях пандемии COVID-19, совпавшей с этапом пост-брекзита. Кроме того, она демонстрирует, как конструируется образ Соединённого Королевства не только готового обороняться в мире вызовов и угроз, но и активно менять его в соответствии со своими интересами и ценностями.

Резюмируя проведенный анализ, можно представить основную идею стратегии следующим образом: современный меняющийся мир полон опасностей, число которых увеличилось в результате пандемии коронавируса, однако Британия готова принять на себя роль глобальной державы, дать отпор многоликому и несущему угрозы «Другому», после чего построить новый мировой порядок в соответствии с интересами и ценностями Соединенного Королевства, его союзников и партнеров.

Традиционно США выступает в качестве главного союзника и партнера, разделяющего с Британией общие ценности. НАТО указана в качестве основы евроатлантической и британской безопасности. Важно отметить, что сотрудничество с союзниками и партнерами определяется через общего «Другого», конструирование идентичности которого также является важнейшей составляющей новой концепции внешней политики.

Характерной чертой «Другого» в стратегии является его временная и пространственная многоликость: «Другим» может быть как государство, так и любое явление. Мотив размытости или отсутствия границ стал ключевым при характеристике пространства «Другого»: угрозы встречаются на национальном и международном уровнях, а также в цифровом мире. Таким образом, «Другой» может одновременно существовать в различных измерениях и пространствах, что вновь объясняет необходимость формулировать концепцию через безопасность как центральное понятие.

Одним из персонализированных «Других», с точки зрения стратегии, является Российская Федерация, которая названа в качестве наиболее злободневной прямой угрозы Соединенному Королевству, хотя признана гипотетическая возможность диалога, если Россия примет правила игры, предлагаемые Западом. Столь же неоднозначной является идентичность КНР как «Другого» для британской внешней политики: Лондон вынужден учитывать как возрастающие риски для британских интересов со стороны Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, так и его привлекательность как важнейшего торгового партнера.

Прежняя концепция 2015 г. ставила главной целью экономическое процветание Британии, что, однако, не способствовало устойчивости правительства Д. Кэмерона, которое, успев оправиться от референдума по вопросу независимости Шотландии, получило новый удар во время референдума по вопросу членства Британии в ЕС. Будет ли новая концепция Б. Джонсона, основанная на понятии «безопасность», успешной, покажет время.

В долгосрочной перспективе идентичность «Глобальной Британии», сформулированная в политике Б. Джонсона в постковидное время, стремится создать проч-

ную основу для возврата Британии в мировую политику в качестве значимого игрока. Восприятие Европы только через Евросоюз также осталось в прошлом и не является более решающим фактором в процессе принятия решений. Определяющими для идентичности Британии стали безопасность, стрессоустойчивость и сопротивляемость.

Однако необходимо отметить высокую адаптивность новой стратегии Лондона ввиду ее ориентации на посткризисный этап, что не исключает критики ее значимости для текущего момента. Комплексную стратегию можно считать лишь вехой в развитии британской внешней политики в постковидную эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьева Е.В., Годованюк К.А. (2021) Стратегия национальной безопасности Великобритании. *Аналитические записки Института Европы РАН*, № 5 (235). С. 1–7. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics52021>

Годованюк К.А. (2020) «Глобальная Британия» как следствие исторических дискуссий об идентичности. *Современная Европа*. № 6. С. 181–190. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020181190>

Громько Ал.А. (2020) Коронавирус как фактор мировой политики. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 4–13. DOI: dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22020412

Романова Т.А., Павлова Е.Б., Трещенков Е.Ю., Гудалов Н.Н., Тулупов Д.С., Колодаев Ю.Ю., Коцур Г.В., Мазаник С.В., Малова А.Н. (2019) *Концепция стрессоустойчивости (resilience): рекомендации для России в контексте взаимодействия с Европейским союзом: рабочая тетрадь 55/2019*. Гл. ред. И.С. Иванов. Российский совет по международным делам (РСМД). НП РСМД, Москва.

Holm H.-H. (2002) The Rise and Decline of Danish Foreign Policy Activism: The case of Denmark, in Dahl A. and Hillmer N. (eds.). *Activism and (non)alignment: The relationship between foreign policy and security doctrine*. Utrikespolitiska institutet. Stockholm. pp. 83–102.

Jørgensen M. and Phillips L.J. (2002) *Discourse Analysis as Theory and Method*. SAGE Publications. London. DOI: <https://dx.doi.org/10.4135/9781849208871>

Kasonta A. (2021) The Idea of Global Britain: A Neo-Victorian Attempt to Define the Place of the English in the World Amidst the Changing Global Order. *RIAC*. 04.05.2021, URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/european-policy/the-idea-of-global-britain-a-neo-victorian-attempt-to-define-the-place-of-the-english-in-the-world-a/> (дата обращения: 10.01.2022)

Laclau E. and Mouffe C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. Verso. London.

Rosenau J. (1987) Roles and Role Scenarios in Foreign Policy. in Walker, S. (ed.). *Role Theory and Foreign Policy Analysis*. Duke University Press. Durham. NC. pp. 44–65.

Shapiro J. and Witney N. (2021) The Delusions of Global Britain. *Foreign Affairs*. 23.03.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2021-03-23/delusions-global-britain> (дата обращения: 10.01.2022)

Walker S. G. (2013). *The Cognitive Architecture of British Appeasement Decisions: Symbolic and Strategic Interaction in World Politics*. Routledge. New York. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203488096>

Winn N. (2021) Global Britain in a Competitive Age. *UK in a Changing Europe*. 18.03.2021. URL: <https://ukandeu.ac.uk/global-britain-in-a-competitive-age/> (дата обращения: 10.01.2022)

Constructing the “Global Britain” Identity in the Foreign Policy Strategy of Boris Johnson

O.V. Grigoreva*

Candidate of Science (Politics)

Saint Petersburg State University.

7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034.

***E-mail:** oxana.grigorjeva@gmail.com **ORCID:** 0000-0002-9896-892X

N.O. Plyusnin*

Saint Petersburg State University.

7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034.

***E-mail:** n.plyusnin@spbu.ru **ORCID:** 0000-0002-0516-5985

Abstract. The article examines the instruments by which the “Global Britain” identity is constructed and specified in the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, adopted by the UK government in March 2021. Applying role theory of foreign policy analysis by Rosenau (1987) and Walker (2013) and discourse theory by Laclau and Mouffe (1985), the authors define the mechanisms of how the Global Britain identity is shaped, with “security” being a nodal point of the discourse. It is concluded that the UK is determined to defend itself against the world of hazards and threats, but also it seeks to actively transform the global order in accordance with the British interests and values. The three pillars of the new identity are security, resilience, and reduced vulnerabilities. Moreover, it should be stressed that new foreign policy strategy identifies Global Britain as an active actor of post-COVID world, which, on the one hand, makes the strategy more adaptive and flexible, but, on the other hand, creates contradictions in Boris Johnson's policy and poses questions about its efficiency.

Key words: role theory, discourse theory, Global Britain, security, foreign policy, UK, Boris Johnson, COVID-19, offensive activism.

DOI: 10.31857/S0201708322020048

REFERENCES

- Ananieva E, Godovanyuk K. (2021) Strategiya nacional'noj bezopasnosti Velikobritanii [UK National Security Strategy]. *Analytical papers of the Institute of Europe RAS*, No 5 (235), pp. 1–7. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics52021> (in Russian).
- Godovanyuk K. (2020) “Global'naya Britaniya” kak sledstvie istoricheskix diskussij ob identichnosti [“Global Britain” as an Outcome of Historical Disputes over UK Identity]. *Sovremennaja Evropa*. No 6, pp. 181–190. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020181190> (in Russian).
- Gromyko A.I.A. (2020) Koronavirus kak faktor mirovoi politiki [Coronavirus as factor of world policy]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*. No 2, pp. 4–13. DOI: dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22020412 (in Russian).
- Holm, H-H. (2002) The Rise and Decline of Danish Foreign Policy Activism: The case of Denmark, in Dahl A. and Hillmer N. (eds.). *Activism and (non)alignment: The relationship between foreign policy and security doctrine*. Utrikespolitiska institutet. Stockholm, pp. 83–102.
- Jørgensen M. and Phillips L.J. (2002) *Discourse Analysis as Theory and Method*. SAGE Publications. London. DOI: <https://dx.doi.org/10.4135/9781849208871>
- Kasonta A. (2021) The Idea of Global Britain: A Neo-Victorian Attempt to Define the Place of the English in the World Amidst the Changing Global Order. *RIAC*. 04.05.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/european-policy/the-idea-of-global-britain-a-neo-victorian-attempt-to-define-the-place-of-the-english-in-the-world-a/> (accessed 10.01.2022)
- Laclau E. and Mouffe C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. Verso. London.
- Romanova T.A., Pavlova E.B., Treschenkov E.Yu., Gudalov N.N., Tulupov D.S., Kolotaev Yu.Yu., Kotsur G.V., Mazanik S.V. and Malova A.N. (2019) *Koncepciya stressoustojchivosti (resilience): rekomendacii dlya Rossii v kontekste vzaimodejstviya s Evropejskim soyuzom: rabochaya tetrad' 55/2019* [The concept of resilience: recommendations for Russia in the context of interactions with the European Union: a workbook 55/2019]. ed. by Ivanov I.S. Rossiisky sovet po mezhdunarodnym delam (RIAC). NP RIAC, Moscow. (in Russian).
- Rosenau J. (1987) Roles and Role Scenarios in Foreign Policy. in Walker S. (ed.). *Role Theory and Foreign Policy Analysis*. Duke University Press. Durham. NC, pp. 44–65.
- Shapiro J. and Witney N. (2021) The Delusions of Global Britain. *Foreign Affairs*. 23.03.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2021-03-23/delusions-global-britain> (accessed 10.01.2022).
- Walker S. G. (2013) *The Cognitive Architecture of British Appeasement Decisions: Symbolic and Strategic Interaction in World Politics*. Routledge. New York. DOI: <http://doi.org/10.4324/9780203488096>
- Winn N. (2021) Global Britain in a Competitive Age. *UK in a Changing Europe*. 18.03.2021. URL: <https://ukandeu.ac.uk/global-britain-in-a-competitive-age/> (accessed 10.01.2022)